

Д. филос. н.,
вед. н. с. СОИГСИ
А.К. Хачирти

О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЯХ В.И. АБАЕВА

А.К. Хачирти

1. В.И. Абаев относится к высшей категории ученых. Тому множество свидетельств, но главное, на мой взгляд, это то, что он достиг в своих научных изысканиях философских основ языкознания и с позиции этого мощного и широкого основания освещает животрепещущие проблемы избранной им отрасли научного знания.

Известный английский физик Чарлз Сноу в своей работе «Две культуры» так определил это явление: «Почти неизменно повсюду в мире великие деятели науки и техники совмещают в своем интеллекте обе культуры – гуманитарную и естественно-научную». К примеру, такие великаны естествознания, как А. Эйнштейн, М. Борн, Н. Бор и другие, занимались и философскими вопросами естествознания.

Такой же величиной в языкознании надо считать В.И. Абаева, тонко разбиравшегося в значении философских принципов для науки, в частности для раскрытия программных основ языкознания. Языкознание – гуманитарная наука, но не в пример В.И. Абаеву многие известные языковеды не представляют себе те стыки, которые соединяют в единое целое философию и проблемы языкознания, языка – носителя всей мудрости человеческой.

2. Школа В.И. Абаева явилась не в результате божественного дара, а благодаря тому, что еще в студенческие годы он серьезно изучал философию, а шире – гуманитарный цикл как общий фон знания. Характерно его признание о том, как он – студент Иранского разряда филологического факультета Петроградского университета стал активным участником нескольких кружков, главным образом философского, общегуманитарного направления. «И в этих кружках, – пишет он в работе «Дихотомия в истории религий» [1], – я узнал больше выдающихся людей и услышал больше свежих, оригинальных идей, чем во всю мою последующую жизнь».

В названной работе Василий Иванович высказывает свое отношение к концепции физика А.А. Сиягина, портрет которого висел на стене в его рабочем кабинете, портрет физика, но занимавшегося историей России и руководившего кружком нравственно-религиозного основания истории человечества.

По этой концепции в истории человечества происходила борьба между двумя нравственными началами: светлым и темным. Кружок, вспоминает Абаев, так и назывался: кружок трансцендентально-этического дуализма.

«Кружковцы ставили вопрос: кто выступает обычно носителем темного начала в истории? Ответ был для нас однозначный и бесспорный: государство. Кто несет в истории начала добра и света? Ответ опять-таки был нам ясным: народ в лице его лучших представителей, подчеркиваю – лучших; худшие становятся прислужниками государства. Стало быть, дуализм в истории чаще всего принимает форму антагонизма между народом, с одной стороны, и государством – с другой».

Государственная власть заинтересована главным образом в самосохранении и самопроизводстве. Во имя этой своей цели она стремится подчинить всю идеологическую сферу: религию, философию, науку, литературу, искусство. И, к чему бы она ни прикоснулась, она все иссушает, обездушивает, деформирует на потребу своих интересов.

К счастью, в недрах народа продолжает жить и развиваться вольная, неофициальная, подлинно национальная культура, не окропленная мертвой водой государственной регламентации.

Таким образом происходит своеобразное раздвоение, дихотомия культуры: с одной стороны – культура народная, с другой – государственно апробированная. Здесь немало справедливого [1]. Но привел я эти положения не потому, что они бесспорны.

Более того, рассмотрение роли государства и народа в истории общества и культуры достаточно многообразно и такой резкой разграниченности деятельности государства, как однозначного темного цвета, и народа, как только светлого, – такое диалектика жизни не выдерживает; не может быть, чтобы государство – действующее начало на протяжении тысячелетий, с возникновения рабовладельческой формации – играло только регрессивную роль, и общество, тот же народ все могли решать без государственного начала, которое в общем-то служило средством для организации нормальной жизни.

А если посмотреть на роль советского государства в развитии отсталой страны, когда за какие-нибудь две-три пятилетки была развернута и исполнена такая грандиозная программа, что весь мир пришел в изумление? Были при этом и темные страницы в деятельности этого же советского государства, и какие еще темные!

Но СССР – это уникальное государственное образование и великий союз народов, даже западными социологами назывался не иначе, как прообразом человечества в будущем. Интересно здесь другое: студенческие кружки ставили и решали такие вопросы, информацию о которых маститый ученый не стесняется публиковать в своих избранных трудах.

3. В.И. Абаев – *мэтр мирового языкознания*, теории языкознания, не мог не заниматься *философией сознания*. Ведь сочетание «*Знак и значение*» в языке философии мыслящего ученого естественно вело к философским идеям в избранной специальности. Исследования «*Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка*», «*Язык как идеология и язык как техника*», «*Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке*», «*Об историзме в описательном языкознании*» и другие оригинальные работы, собранные под общим названием «*Общее языкознание*» во II томе «*Избранных трудов*», делают честь их автору как плодovитому философу, а каждая из этих работ – тема специального исследования.

И прежде всего – о происхождении сознания. «*Язык и сознание на протяжении всей истории человеческого рода образуют нераздельное единство... Каков механизм работы сознания? Какие операции производит сознание над поступающей в него из внешнего мира информацией? Какому общему принципу подчинены эти операции?*» – вот вопросы, которые ставятся В.И. Абаевым, и он продолжает: «*Речь идет здесь о том, чтобы наметить некоторые самые общие линии, характерные*

для языкового развития в целом». И рассматривает не какой-нибудь частный вопрос, а проблему.

4. «*О генезисе сознания и речи*» [2].

Эту тему в мировой науке объявили не подлежащей обсуждению, ввиду якобы ее недоказанности. Василий Иванович оспаривает такую постановку в принципе. И видит возникновение человеческого сознания, человека разумного – *Homo Sapiens* на том уровне развития, когда он **осознал себя членом коллектива и смог формировать понятия «мы», «наше» и «не мы» и «не наше», смог осознанно отнести себя к своему коллективу людей.**

Это сознание возникло, когда контакты между социальными группами (коллективами) стали более или менее постоянными. А конкретно время этого явления – период позднего палеолита, около 35000–38000 лет тому назад. Это время есть время появления *Homo Sapiens* – характерные показатели: кремневые орудия, пещерное изобразительное искусство, наряду, конечно, с речью.

5. *В свете современных бестолковых устремлений в западную цивилизацию* исключительно актуально звучат идеи, изложенные Василием Ивановичем в работе «*Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке*».

Основной смысл рассуждения: когда здоровое отвергается, освобожденное пространство заполняется суррогатом. Это сегодня особенно заметно всюду и в особенности в том, что отмена жесткой регламентации всего и вся освободила пространство и туда хлынул поток моды (модернизма). Во всем!

Суть этой интересной работы – в утверждении *гуманизма* как мировоззренческого принципа, проникающего в науку, искусство и определяющего формирование человека. «*Стало быть, – говорит Васо, – гуманизм – общеидеологический, а не моральный принцип*». Это очень точное наблюдение ученого, непрофессионально занимавшегося философией. «*Загадка, которую Сфинкс, – продолжает Василий Иванович, – задал Эдипу, была о Человеке. Что есть человек! И на эту же загадку (и проблему в целом, а это есть проблема и сегодняшнего дня) призвана ответить в меру своих возможностей каждая общественная наука... Всякая отрасль гуманитарного сектора, из которой выпадает человек, сама выпадает из гуманитарного сектора. Это в полной мере относится и к языкознанию*» [3].

И он ссылается на свою попытку разграничить два аспекта языка в работах «*Язык как идеология и язык как техника*» и «*Еще раз о языке как технике...*».

Меня это выражение – «язык как идеология» – всегда, мягко говоря, смущало. Ведь «идеология» – это всего-навсего определенный срез общественного сознания, который держится в ряду с теоретическим и обыденным сознанием, социальной психологией, является своеобразной окраской религии, искусства, нравственности, науки и других форм общественного сознания, и применять эту характеристику к языку никак нельзя. Но это я никогда не посмел сказать Васо.

Но когда писал настоящее выступление, я взглянул в авторский комментарий к работе «Язык как идеология и язык как техника» во II томе «Избранных трудов» ученого и прочитал: «Термин «идеология» здесь не точен. Правильнее говорить об общественном сознании». Это уже определенное решение проблемы.

Сама же постановка вопроса о гуманитарном подходе к проблемам языкознания у В.И. Абаева фундаментальна и исключительно плодотворна. Василий Иванович рассматривает соотношение двух сторон языка: знака и значения, язык как знаковая (техническая) система и с точки зрения смысла, семантики (семасиологии). И если говорить о гуманитарном, человеческом значении языка, то главное здесь глубинная сторона, смысловая природа языковых знаков.

Мы же знаем, что даже алфавиты воспринимаются неоднозначно; есть, говорят, демократические алфавиты, это, скажем, латинский; иным нравится кириллица, замкнутым считаются иероглифические знаки, алфавиты арамейского языка, есть алфавиты, которые до сих пор не разгаданы. Нарекания можно услышать и в адрес артикуляционных систем отдельных языков. К примеру, слово «варвар» считается произошедшим от звука «барбар», то есть от непонятности языков народов – участников великого переселения, прошедших испытания античными цивилизациями.

Что же касается семантики, то это и есть собственно язык – социальный фактор человеческой жизни и истории народа, закрепляющий в словах все значимое и даже малозначимое в жизни этносов. Он, по-видимому, самое консервативно-устойчивое явление, никогда не изменяющее своему носителю и в радости и в горе. Даже консервативная религиозная традиция не может сравниться с языковой традицией по устойчивости.

И против всяких модернистских упражнений с этим стойким носителем человеческой культуры направлены резкие обвинения Василия Ивановича. Существует мнение, указывает Абаев, что языковед

не должен заниматься проблемами «языка и мышления», связью языка с социологией, историей, археологией, этнографией, фольклором, потому что все эти выходы являются «экстралингвистическими, выходят за рамки языка». Василий Иванович отстаивает противоположный взгляд.

Красной нитью в рассуждении Василия Ивановича проходит мысль о том, что модернистские упреждения с таким устойчивым культурным явлением, как язык, приводят к его разрушению, ибо разламывают действие объективных законов бытия и развития, по которым движется это непростое социальное явление.

Новаторство в языковом существовании возможно, когда создаются социумом благоприятные условия даже для революционных решений в языковом строительстве, когда создаются условия более широкого функционирования языковых богатств и наращивания словарного фонда за счет других языков, обогащающих основные фонды языка, созданные веками и тысячелетиями.

Я имею в виду культурную революцию в СССР, формирование письменностей, литератур, широкая разработка грамматик, запись фольклорных богатств, издание словарей и пр. Кстати, здесь имеет место светлое начало государственной деятельности.

Но под видом новаторства и революционных решений может проходить и явная отсебятина на фоне объективных законов функционирования языка. Речь идет о таких непонятных решениях, как запрет дигорского диалекта осетинского языка и объявление иронского диалекта осетинского языка осетинским литературным языком. А когда люди, пусть самые гениальные, позволяют действия по принципу щедринского героя: «Закрывать Америку!», то закрытым оказывается все и вся, и пример осетинского языка сегодня – тому ярчайший пример.

Под флагом сверхсовременных опытов и решений властей в 50–60-х годах и при полном недоумии значительной части родительской массы были произведены преступные манипуляции в рамках Северо-Осетинской республики, выразившиеся в отказе от осетинской национальной школы и осетинского языка преподавания, и сегодня родной наш язык и связанные с ним области искусства – литература и театр – испытывают серьезные трудности, несмотря на бравурные заклинания ответственных лиц типа «Осетинской школе быть!», «Осетинский язык будет жить!», раздающиеся временами в пространстве Осетии.

6. *Очень коротко о теории субстрата.*

В работе «Аланика – культурная традиция» я позволил себе следующее: «Есть вопросы и к теории субстрата». Понятие «субстрат» (основа, буквально подстилка) в том обиходе, который ему обеспечили в объяснении природы культурных явлений скифо-сармато-алано-асского мира и в его отношении к кавказскому историко-культурному пространству, представляется не очень конструктивным инструментом. Сам Абаев ставил вопрос: «... Почему родственные языки, при всей близости и общности, так непроницаемо различны и неповторимо индивидуальны?».

Но в отношении таких индоевропейских языков, как армянский и осетинский, считает он, кавказские языки послужили субстратом. Но насколько изменили эти два языка смычно-гортанные звуки, другие языковые заимствования? Это, по-видимому, надо разработать лучше, ибо существует мнение о том, что сами кавказские языки не очень отличаются единством даже сегодня, после столь длинного пути общения этносов, проживающих на Кавказе. Даже картвельские племена в единой грузинской нации значительно разнятся, а что уж говорить о дагестанских народностях, вайнахах. И никто из грузин, армян, азербайджанцев, дагестанцев, адыгов, вайнахов, алан-ассов так просто друг друга не понимают. Что это за субстрат и что за суперстрат в языковом общении?

А когда рассуждения о субстрате выводятся на понятие «двуприродность», скажем, осетинского языка, а затем осетинского народа, все невероятно осложняется и настолько, что не представляется возможным решение поставленного вопроса сколько-нибудь вразумительно. *«Двуприродность» – грубая, неуклюжая установка, характеризующая аномальные явления как в природе, так и в социуме.*

И эти аномалии особенно развернуты в мифе. Миф, не знающий границ в своем фантастическом творческом рвении, создает такие сочетания, которые в норме не существуют. Это кентавры, ехидны, сфинксы. Миф выдал и Гермафродита – сына Гермеса и Афродиты, слитого с нимфой Салмакидой – двуполым существом.

В нормальной природе и социуме не бывает двуприродных явлений, но можно говорить о сущностных выражениях разного порядка. Так, сущностью первого порядка в осетинском народе выступает его индоевропейская (североиранская) суть и содержание, сущностью второго порядка – его кавказская ипостась. У балкарцев и карачаевцев, наиболее близко, после осетин, стоящих

к скифскому миру сущностью первого порядка, по-видимому, надо считать тюркское начало и второго – аланское.

Как публицистический оборот, я допустил бы определение двуприродности для осетин, не знающих родного языка, но называющих себя осетинами, которых Василий Иванович называл «никудашными осетинами».

В связи со сказанным хочется вспомнить дискуссии о «родном языке» и о «втором родном языке» в нашей печати и научной литературе в 60-х годах, которые билингвизм в условиях СССР пытались истолковать как приобретение русским языком статуса «второго» родного языка. Может быть, и это можно толковать в духе «двуприродности»? Но если совершенное владение языком может становиться основанием для подобных квалификаций, то почему не быть третьему, четвертому и т.д. родному языку, ведь есть полиглоты и не полиглоты, но знающие не один и не два, а более языков в совершенстве. И тогда сколько у человека родных языков? И сколькоприродными они будут считаться?.. И мы становимся свидетелями абсурда.

Допуск термина «двуприродность» в оценке какого-либо языка или его носителя, в частности осетинского языка и осетинского народа, запутывает проблему и становится источником множества околонаучных спекуляций, осложняющих не только научные исследования актуальных вопросов, но и его международные отношения.

Осетинский народ здесь на Кавказе выбрал кобанский мир, который, как все больше и больше выясняется, может относиться также к скифскому (североиранскому) миру, и, естественно, не поколебал, по крайней мере существенно, в нем иранскую природу. Эту непротиворечивость в археологических культурах двух начал отмечал и Крупнов: «Но тысячелетние контакты с кавказскими народами оставили на облике алан-ассов достаточно заметные отпечатки, делающие осетин во многом «кавказским народом», но, повторяю, со своим лицом, широким культурным фоном, самостоятельной традицией, отличающими его от других кавказских этносов, кстати, повторимся, сами эти кавказские народы также отличаются друг от друга и не менее рельефно.».

Таковы некоторые штрихи к большой теме о философских основах громадного творческого наследия В.И. Абаева.

В.И. Абаев продолжил замечательных деятелей осетиноведения Ю. Клапрота, А. Шегрена и Вс. Миллера, но внес такой вклад, который служит

мощным фундаментом дальнейших научных изысканий. Многие решено на уровне абсолютной истины, многое – на уровне относительной истины, и есть постановка проблем, и все это – как в могучей исследовательской лаборатории. Надо двигаться к новым уровням, продолжая могучую традицию, созданную гигантами, имена которых известны в осетиноведении.

7. *Методом исследовательской работы В.И. Абаева являлась диалектика*; он сознательно и мастерски применял этот метод, потому что всегда сохранял верность добротной традиции, но критически перерабатывал ее для новых уровней исследовательской мысли. Только авторитет истины признавался ученым даже в самые критические моменты его жизни, и этому надо у него учиться всем нам.

8. *Учиться надо нашим студентам у студента Абаева, который с первых шагов учебы взял широкий фронт*: сразу несколько кружков, «в основном философских», и благодаря такому интересу к широкому научному, философскому знанию и стал Василий Иванович тем, кем он стал. В ответ на восторженные оценки его деятельности на одном из его юбилеев он сказал просто: «Подумаешь, успехи, в день не больше одного слова!...».

Много лет знавший и общавшийся с Васо, я думаю, что он тогда слукавил: одно слово – каждый день! Этим сказано очень много – по-видимому, бывали слова, над которыми он бился не один день. Но главное здесь сочетание «каждый день». Если каждый день не садиться за рабочий стол, то дела не будет, уважаемые студенты и те, кто собирается

заниматься наукой, *каждый день и еще раз каждый день за рабочий стол! Это школа В.И. Абаева и других великих ученых.*

«Наш век, – говорил В.И. Абаев, – оправдает себя, если он войдет в историю не только как век атома и космонавтики, но также как век гуманизма и духовного обновления: в противном случае и атом и космонавтика неизбежно обернутся для человечества самоуничтожением».

К величайшему сожалению, «век Абаева», хотя и называется «веком атома и космонавтики», т.е. веком величайших достижений думающей человеческой головы и работающей руки, *веком мудрости не стал*. Поразительное несчастье преследует человечество: эти умные, разумные существа – люди, не могут определить свою дорогу и человечество, как сообщество самоубийц, катится неизвестно куда, а все попытки решить что-то заканчиваются кровопролитием и ненавистью друг к другу.

Нужна философия жизни, о которой говорил В.И. Абаев, – это *гуманизм, служение Человеку, поклонение человеческому началу, духовному обновлению людей. Человеческая мысль и жизненный опыт людей не дали ничего более высокого, чем человеческое взаимопонимание, – это самая дорогая ценность. Мы живем в плохое время. Собачий лай и грызня псов разносится повсюду и в любое время суток. Но ни одно разумное существо этот лай и собачье рычание за музыку не принимает. И надо покончить с философией самоедства и здесь у нас в Осетии, и всюду на Земле. К этому нас зовет Слово Василия Ивановича Абаева!*

Литература

1. **Абаев В.И.** Дихотомия в истории религий. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ, 1990.

2. **Абаев В.И.** Язык как идеология и язык как техника // Избранные труды, Т. II. – Владикавказ, 1995.

3. **Абаев В.И.** Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Избранные труды, Т. II. – Владикавказ, 1995.

4. **Абаев В.И.** Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Избранные труды, Т. II. – Владикавказ, 1995.

